

Научная статья / Research Article
УДК 316.3:32(470.63)
DOI: 10.14258/SSI(2025)4–02

Религиозность населения Монголии: экспертная оценка современного состояния

Ольга Валерьевна Суртаева¹

Екатерина Владимировна Шахова²

Дарья Константиновна Щеглова³

Виктория Максимовна Максимова⁴

Егор Александрович Сорокин⁵

Цеденбал Пурэвсүрэн⁶

¹ РОСБИОТЕХ, Москва, Россия, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, bubuka_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>

² РОСБИОТЕХ, Москва, Россия, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, EWS05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1980-2989>

³ РОСБИОТЕХ, Москва, Россия, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, sdk@mc.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2601-0306>

⁴Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, vik-maksimova88@yandex.ru

⁵Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, egorsorokin776@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4596-7338>

⁶Западный региональный филиал Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия, purevsuren.khu@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7166-7553>

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей религиозности населения Монголии с точки зрения экспертного сообщества. В работе представлен анализ результатов экспериментального опроса, проведенного в форме стандартизованного интервью в 2024–2025 гг. на территории Монголии ($n = 102$), глубинного интервью ($n = 16$) с руководителями религиозных организаций, общин, духовными лидерами, проанализированы уровень и структура религиозности, межконфессиональные отношения и институциональные условия религиозной сферы. Согласно экспертным оценкам, религиозность населения Монголии сохраняется на высоком уровне с выраженной социально-демографической

спецификой, наибольшая религиозность характерна для пожилых людей, сельских жителей и женщин. Структура религиозности отличается доминированием практических аспектов над когнитивными компонентами. Межконфессиональная ситуация характеризуется стабильностью и отсутствием конфликтов. Построена трехфакторная модель, которая включает в себя следующие факторы: институционально-правовое регулирование, социально-инфраструктурные условия, межконфессиональный консенсус. Религиозность в Монголии характеризуется внешней, событийной активностью при внутренней разнородности. Устойчивость этой системы обеспечивается не столько глубинной верой, сколько функцией религии как культурного кода и ресурса этнической идентичности в условиях быстро меняющегося общества.

Ключевые слова: религиозность, население Монголии, экспертные оценки, институциональные условия, межконфессиональные отношения, социологическое исследование

Финансирование: публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 24–48–03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности» (2024–2026 гг.).

Для цитирования: Суртаева О. В., Шахова Е. В., Щеглова Д. К., Максимова В. М., Сорокин Е. А., Пурэвсүрэн Ц. Религиозность населения Монголии: экспертная оценка современного состояния // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 4. С. 32–49. doi: 10.14258/ssi(2025)4–02

Religiosity of the Population of Mongolia: Expert Assessment of the Current State

Olga V. Surtaeva¹

Ekaterina V. Shakhova²

Daria K. Shcheglova³

Victoria M. Maksimova⁴

Egor A. Sorokin⁵

Tsedenbal Purevsuren⁶

¹ROSBIOTECH, Moscow, Russia, Altai State University, Barnaul, Russia, bubuka_s@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>

²ROSBIOTECH, Moscow, Russia, Altai State University, Barnaul, Russia, EWS05@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1980-2989>

³ROSBIOTECH, Moscow, Russia, Altai State University, Barnaul, Russia, sdk@mc.asu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2601-0306>

⁴Higher School of Economics, Moscow, Russia, vik-maksimova88@yandex.ru

⁵Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, egorsorokin776@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4596-7338>

⁶Western Regional School of National University of Mongolia, Khovd, Mongolia, purevsuren.khu@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7166-7553>

Abstract. The article examines the internal religiosity of the Mongolian population from the perspective of the expert community. The paper presents an analysis of the results of an expert survey conducted in the form of standardized interviews in 2024–2025 in Mongolia (n = 102), in-depth interviews (n = 16) with the heads of exclusively community organizations and spiritual leaders, and an analysis of the level and structure of religiosity, interfaith relations, and the institutional state of the religious sphere. According to expert estimates, the religiosity of the Mongolian population remains low with pronounced socio-demographic specifics; the highest religiosity is characteristic of the population, phenomenon, and permanent residence of women. The structure of religiosity is distinguished by the practical dominance of aspects over cognitive components. The interfaith situation is characterized by stability and the absence of problems. A three-factor model has been constructed, which includes the following factors: institutional and legal regulation, socio-infrastructure conditions, and interfaith consensus. Religiosity in Mongolia manifests itself through external, event-driven activity amidst internal heterogeneity. The stability of this system is guaranteed not so much by profound faith as by the restraint of religion as a cultural code and ethnic identity in a rapidly changing society.

Keywords: religiosity, population of Mongolia, expert assessments, institutional conditions, interfaith relations, sociological research

Financial Support: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project No 24–48–03002. The title of the project «Religious landscapes of the Russian-Mongolian borderlands: institutional and network mechanisms of construction of religious and ethnic identities and security in conditions of post-secular reality».

For citation: Surtaeva, O. V., Shakhova, E. V., Scheglova, D. K., Maksimova, V. M., Sorokin, E. A., Purevsuren Ts. (2025). Religiosity of the Population of Mongolia: Expert Assessment of the Current State. *Society and Security Insights*, 8(4), 32–49. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)4–02

Введение

Религиозность как комплексное социокультурное явление является одним из ключевых факторов, формирующих ценностные ориентации, идентичность и поведенческие модели населения в современном мире. Поскольку религия и общество связаны друг с другом, исследователи, изучающие воздействие религиозности на социум, предполагают тесные отношения между ними.

Существуют разные определения религиозности. Allport & Ross (1967) считали религиозность практикой религии, Cornwall и соавт. (1986) предположили, что религиозность может охватывать веру, приверженность религии и поведенческие проявления, а Mattis & Jagers (2001) определили религиозность как степень приверженности человека убеждениям, доктринаам и практикам религии.

По мнению French, Purwono and Shen (2020), религиозность — это способ защиты от внутреннего (направленного на себя) и экстернализирующего (внешнего, агрессивного по отношению к окружающим) поведения, помогающий индивидам справляться с эмоциональными и поведенческими рисками. Обобщая различные подходы, Holdcroft (2006) справедливо отметил, что сложно дать стандартное общее определение религиозности, по крайней мере по двум причинам: во-первых, из-за неопределенности и неточности языка (где религиозность отождествляется с синонимами, такими как вера, благочестие), во-вторых, из-за междисциплинарного характера исследований, когда теологи акцентируют веру, психологи — благочестие и преданность, а социологи — членство в церкви, посещаемость, принятие догматов и воплощение веры в жизнь, что приводит к использованию разных терминов для схожих измерений религиозности и затрудняет унифицированный анализ.

Разнообразие подходов и дисциплин, изучающих религиозность, порождает и разные способы ее измерения, определения ключевых компонентов. Так, Glock & Stark (1965) утверждали, что религиозность включает пять аспектов: веру, практику, чувство, знание и влияние. По мнению Cornwall et al. (1986), с точки зрения социальной психологии важными являются три компонента: знание (познание), чувство (аффект) и действие (поведение). При этом поведение может принимать различные формы, включая посещение религиозных служб, финансовые взносы, личную молитву или этические компоненты. Хотя количественная оценка религиозности возможна (об этом свидетельствует большое количество научной литературы), нет четких стандартов относительно того, какие аспекты следует измерять, поскольку они могут относиться к принципиально разным типам религиозности (McAndrew & Voas, 2011). Вера, практика, формальное членство в религиозном сообществе, неформальная принадлежность к религиозному сообществу, знания религиозной доктрины, моральное чувство, базовые ценности и т. д. относятся к тем измерениям религиозности, чьи социальные эффекты привлекают большое внимание.

Религиозность как позитивное или негативное отношение к религии может рассматриваться как одномерный конструкт (Tsang & McCollough, 2003). Однако множество религиозных выражений, верований, ритуалов и мотиваций в жизни религиозного человека указывает на то, что религиозность все же скорее многогранна (Hill, 2005). Saroglou (2011) предложил модель четырех основных измерений религии и религиозности: вера (включающая смыслы и истину), связь (включающая эмоциональную самотрансценденцию), поведение (включающее моральный самоконтроль) и принадлежность (к религиям как трансисторическим группам). Каждое измерение отражает отдельные психологические процессы (когнитивные, эмоциональные, моральные и социальные), соответствующие цели, мотивы обращения к религии, типы самотрансценденции и механизмы, объясняющие связь религии и здоровья. Академическое сообщество заинтересовано в изучении того, как религия проявляется в современном мире.

Религиозность в современной Монголии представляет собой сложный и динамичный феномен, сформированный в результате радикальных институциональных трансформаций XX–XXI вв. Институциональные условия, в том числе формальные законы, неформальные нормы, структура власти, определяющие место религии в обществе, играют ключевую роль в понимании специфики монгольской религиозности. На территории государства за все время его развития существовало множество религиозных верований. Сегодня в Монголии исповедуют буддизм, ислам, шаманизм, христианство и другие конфессии (Гантуяа, 2021). В целом религиозная ситуация в современной Монголии характеризуется высоким уровнем религиозной свободы. Процессы, происходящие в религиозной жизни монгольского общества, их дальнейшее развитие, будущее состояние и перспективы в значительной мере зависят от взаимоотношения традиционной и нетрадиционной религий и находятся в тесной взаимосвязи с процессом общественных изменений в Монголии (Ванчикова, Цэдэндамба, 2014), что указывает на актуальный характер изучения данной темы.

Методология исследования

Цель данной статьи заключается в анализе особенностей религиозности населения Монголии с точки зрения экспертного сообщества. Эмпирической базой являются результаты экспернского опроса, проведенного в форме стандартизованного интервью ($n = 102$, 2024–2025 гг., Монголия, аймаки Баян-Улгий, Сэлэнгэ, Ховд, Хубсугул), а также результаты качественного эмпирического исследования (16 глубинных интервью) с экспертами, в качестве которых выступали представители духовенства, лидеры религиозных некоммерческих организаций, представители академического сообщества и государственные служащие, в чью компетенцию входит взаимодействие с религиозными организациями Монголии. В рамках экспернского опроса оценивались следующие показатели: уровень религиозности населения; религиозность населения, проживающего в разных приграничных поселениях; наиболее религиозные группы населения; уровень выраженности проявлений компонентов религиозности современного населения; оценка взаимоотношений между людьми различных вероисповеданий; наличие религиозных конфликтов в недавнем прошлом в регионе проживания эксперта; факторы формирования религиозности населения; институциональные условия религиозности. В рамках глубинных интервью были оценены такие стандартизованные показатели, как идентификационные данные объекта, историко-административные параметры объекта, социально-демографические характеристики прихожан, особенности работы объекта, взаимодействие с местным населением, взаимодействие с представителями других конфессий.

Процедура обработки данных включала несколько ключевых этапов. Для транскрипции аудиозаписей интервью использовалась модель openai/whisper-large-v3-turbo, что обеспечило высокую точность преобразования устной речи в текстовый формат с сохранением речевых особенностей информантов. Получ-

ченные тексты были переведены на русский язык с помощью модели ChatGPT 4о для сохранности точности содержания, стилистики и эмоциональности информантов. Для тематического анализа применялся метод BERTopic, основанный на архитектуре трансформеров, что позволило выявить устойчивые тематические кластеры в массиве текстов. В результате были определены основные смысловые области, согласно определенным заранее стандартизованным показателям.

Результаты исследования

Монголия представляет собой уникальный пример стремительной трансформации религиозного ландшафта, которая характеризуется быстрым возрождением традиционных конфессий (буддийской сангхи, шаманизма, традиционных культов и ислама) на фоне эффективной прозелитской деятельности новых для этой страны религиозных течений (протестантские деноминации, вера бахай и мормонизм) (Цыбикдоржиев, 2014). Данная ситуация обуславливает актуальность современного анализа религиозности населения Монголии, в рамках которого экспертные оценки позволяют выявить ключевые факторы, определяющие динамику данных процессов.

По мнению экспертов приграничных регионов Монголии, население в стране религиозно: значительная доля экспертов (41,2%) считает, что жители очень религиозны, примерно такая же доля экспертов (43,1%) полагает, что население религиозно в какой-то мере (рис. 1).

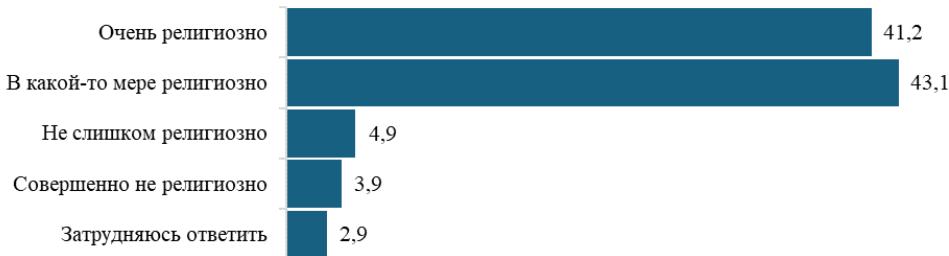

Рисунок 1 — Распределение экспертных оценок уровня религиозности населения Монголии, %

Figure 1 — Distribution of expert assessments of the level of religiosity of the population of Mongolia, %

Большинство экспертов (62,7%) считает, что уровень религиозности населения приграничных регионов примерно одинаков во всех населенных пунктах. Однако каждый четвертый эксперт (26,5%) полагает, что в отдельных приграничных аймаках или сомонах население более религиозно, чем в других. Среди аймаков и сомонов, в которых проживает более религиозное население, эксперты называли Баян-Улгийский аймак, Завханский аймак и Хубсугулский аймак (Хувсгал).

Поскольку между социальными или демографическими характеристиками человека и его религиозностью может существовать взаимосвязь, интересно

проанализировать, какие группы населения Монголии, по мнению экспертов, наиболее религиозны. Каждый шестой эксперт (15,7%) не связывает религиозность с социальными или демографическими характеристиками человека. Наиболее религиозны, по мнению специалистов, пожилые люди (68,6%), женщины (31,4%), сельские жители (30,4%) и представители среднего возраста (30,4%). Каждый пятый эксперт связывает выраженную религиозность с принадлежностью к молодому возрасту (20,6%). При этом экспертные оценки уровня религиозности молодежи Монголии значимо варьировали (χ^2 , $p \leq 0,05$) в зависимости от региона проживания специалиста. Эксперты из аймака Баян-Улгий (42,9%) чаще экспертов из аймаков Хувсгал (18,5%), Ховд (13,6%) и Сэлэнгэ (11,1%) считали, что молодежь Монголии более религиозна, чем другие группы населения.

Согласно оценкам экспертов, наиболее выражены проявления следующих компонентов религиозности современного населения Монголии: набожность, верность религиозным убеждениям; знание вероучений, обрядов, религиозных правил; участие в религиозных обрядах; участие в деятельности религиозных организаций, собраниях, жизни общины (рис. 2).

Рисунок 2 — Экспертные оценки проявлений некоторых компонентов религиозности современного населения Монголии, %

Figure 2 — Expert assessments of manifestations of some components of religiosity of the modern population of Mongolia, %

Рассматривая религиозный ландшафт в приграничных регионах Монголии, нельзя не коснуться вопроса взаимоотношений между людьми различных вероисповеданий. Почти все эксперты указывают на положительные характеристики таких отношений: 54,3% считают, что они нормальные, бесконфликтные, 39,1% — доброжелательные (рис. 3).

Рисунок 3 — Отношения между людьми различных вероисповеданий, %

Figure 3 — Relations between people of different faiths, %

Важными являются и проблемы межгрупповых конфликтов, в связи с чем экспертурному сообществу было предложено сообщить, случались ли в аймаке их проживания в течение последних лет серьезные конфликты между людьми разных вероисповеданий или в связи с деятельностью религиозных организаций, которые вызвали общественный резонанс, в результате чего большинство экспертов сообщили, что таких конфликтов не было. Однако один из экспертов считает, что часто происходит отрицание друг друга религиозными организациями и их представителями. Еще один эксперт столкнулся с ситуацией недовольства ребенка, обучающегося в 12-м классе, исповедующего христианство, связанного с необходимостью изучать на уроках йоги четыре истины буддизма.

Обратимся к анализу ключевых факторов формирования религиозности населения Монголии, выделенных экспертами. Магистральным, ключевым фактором формирования религиозности населения Монголии эксперты называют религиозную принадлежность родителей и родственников, наличие религиозного воспитания в семье (66,7%). Второе место в череде факторов формирования религиозности населения Монголии эксперты отдали модернизации социальной жизни (26,5%), миссионерской деятельности религиозных организаций (25,5%) и месту жительства или рождения самого человека (23,5%). Третье место в перечне факторов формирования религиозности населения Монголии занимают глобализация (19,6%) и интернет (18,6%) (рис. 4).

Рисунок 4 — Экспертные оценки факторов формирования религиозности населения Монголии, %

Figure 4 — Expert assessments of factors shaping religiosity of the population of Mongolia, %

Институциональные условия задаются политикой государства, которое, с одной стороны, позиционирует буддизм как основу культурного наследия и национальной идентичности, а с другой — поддерживает принцип светского (Актамов, Бадмацыренов, Цэцэнбилэг, 2024; Бадмацыренов, 2012). В контексте постсоциалистической трансформации государство стало ключевым актором в восстановлении религиозных институтов, что создало отношения взаимозависимости. Этот процесс протекает в условиях институциональной асимметрии, характерной для регионов, переживающих смену идеологических парадигм (Михалев, 2018). Эксперты при оценке институциональных условий религиозности Монголии по ряду вопросов, по которым необходимо было провести оценку выраженности по шкале от 1 до 10 (где 1 — наименее выражено, 10 — наиболее выражено), наиболее позитивно оценили следующие институциональные аспекты: все религиозные организации осуществляют свою деятельность открыто, в соответствии с законами (среднее значение — 5,26); реализуется право на свободу совести и вероисповедания, религиозные взгляды и убеждения, включая отказ от религии (среднее значение — 4,82); традиционные религиозные организации имеют сильные позиции и опираются на широкое сообщество единоверцев (среднее значение — 4,7) (табл. 1).

Для построения модели институциональных условий религиозности в Монголии был проведен факторный анализ методом главных компонент. Для факторного анализа были использованы переменные, характеризующие непосредственные институциональные условия религиозности, указанные выше.

В результате была сформирована трехфакторная модель (суммарный процент дисперсии 63,9%, КМО = 0,840).

Таблица 1

Институциональные условия религиозности Монголии, среднее значение

Table 1

Institutional conditions of religiosity in Mongolia, average value

Условия религиозности	Среднее значение
Все религиозные организации осуществляют свою деятельность открыто, в соответствии с законами	5,26
Реализуется право на свободу совести и вероисповедания, религиозные взгляды и убеждения, включая отказ от религии	4,82
Граждане защищены от негативного влияния запрещенных сект, экстремистских организаций	4,44
Руководство региона ведет открытый и публичный диалог с лидерами религиозных организаций	4,13
Религиозные организации, представляющие различные религии и конфессии, активно проявляют себя в жизни общества	4,33
Между конфессиями и религиями нет конфликтов, противостояния	3,88
В регионе созданы условия для защиты духовных ценностей верующих, граждане терпимы к иноверцам	4,16
Образовательная система обеспечивает условия для духовного образования и воспитания молодежи, включая религиозное образование	4,15
Традиционные религиозные организации имеют сильные позиции и опираются на широкое сообщество единоверцев	4,7
Создано комфортное пространство для представителей всех религий, много мест отправления культа, поклонения и молитвы	4,29
Жители объединяются, чтобы вместе защищать национально-культурные интересы	4,55
Жители объединяются, чтобы вместе защищать религиозные взгляды	3,94
Органы власти региона успешно разрешают возникающие конфликты в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений	4,24
Органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания	4,46

В первый фактор, описывающий 27,536% дисперсии со значимой нагрузкой, вошли показатели, связанные с правовыми и административными аспектами: все религиозные организации осуществляют свою деятельность открыто, в соответствии с законами (0,842); граждане защищены от негативного влияния запрещенных сект, экстремистских организаций (0,776); религиозные организации, представляющие различные религии и конфессии, активно проявляют себя в жизни общества (0,776); руководство региона ведет открытый и публичный диалог с лидерами религиозных организаций (0,730).

Второй фактор описывает 23,703% дисперсии и объединяет показатели, характеризующие условия для осуществления религиозных практик и активность населения: «создано комфортное пространство для представителей всех религий, много мест отправления культа, поклонения и молитвы» (0,707); «жители объединяются, чтобы вместе защищать религиозные взгляды» (0,765); «жители объединяются, чтобы вместе защищать национально-культурные интересы» (0,738).

Третий фактор, информативность которого составила 12,638% дисперсии, состоит из показателей, которые отражают гармонизацию межрелигиозных отношений: «реализуется право на свободу совести и вероисповедания, религиозные взгляды и убеждения, включая отказ от религии» (0,797); «между конфессиями и религиями нет конфликтов, противостояния» (0,761).

Полученная факторная модель свидетельствует о многомерности восприятия религиозной ситуации экспертами.

Данные, полученные в ходе глубинных интервью с религиозными экспертами и лидерами религиозных общин, определили основные векторы изменения религиозного ландшафта. Монголия представляет собой уникальное пространство для изучения динамики религиозности в постсоалистический период, характеризующееся восстановлением традиционного буддизма, активным проникновением новых религиозных движений и сложной этноконфессиональной картой.

Буддизм, являясь исторически доминирующей конфессией, переживает период институционального укрепления и внутренней трансформации. Как отмечает лама из Мурэна (Хубсугульский аймак), с конца 1990-х гг. произошла существенная смена поколений в религиозной элите: «...Молодое поколение получило в Индии и Америке религиозное образование... Традиционная религия очень хорошо развивается...» [МОНГОЛИЯ_Гандад_Б_Энх_Амгалан_да_лама_Мурэн_лама]. Наблюдается систематизация образования (краткосрочные курсы в Улан-Баторе) и перевод богослужебной практики с тибетского на монгольский язык, что повышает доступность учения и способствует притоку молодежи. Ламы тесно взаимодействуют с местным населением, особенно подчеркивается открытость и доступность дацанов. При этом ламы активно пользуются современными технологиями, создавая чаты дацанов в социальных сетях и коммуницируя там с населением: «...А у нас сильной регистрации нет. Если в другой час приходит, монастырь открыт... Есть своя группа, конкретная тесная группа, в личных сообщениях...» [МОНГОЛИЯ_Лама_Чимит_Мурэн]. Также осуществляется взаимодействие через систему родовых и сомонных обрядов: монастырь глубоко интегрирован в социальную ткань региона, что является центром масштабного образовательного проекта для лам. Буддисты открыты диалогу, они особенно отмечают существующие тесные неформальные связи с шаманами: «...с шаманами тесные связи. Шаманы в начале летнего времени оло вместе строят...» [МОНГОЛИЯ_Лама_Чимит_Мурэн]. Помимо этого, присутствуют тесные трансграничные сети с буддистами России и выражается сожаление о том, что не со всеми интересующими регионами: «...В Улан-Удэ несколько раз были, читали книги...

Постоянно связь с бурятским ламой, через Фейсбук¹ по книгам постоянно... С Калмыкией тоже есть личная связь, а на западе, в Тыве, связи нет...» МОНГОЛИЯ_Гандад_Б_Энх_Амгалан_да_лама_Мурэн_лама]. С представителями христианства отмечалась административная связь: «...Самостоятельная связь через союз управления, связь с администрациями. По политике главные мероприятия, а личных связей почти нет...» [МОНГОЛИЯ_Лама_Чимит_Мурэн]. Однако такое межрелигиозное взаимодействие достаточно вариативно и зависит от руководства и расположения монастыря: «...Нет, не взаимодействуют... Один только храм протестантский... Мероприятия не каждый день проходят. Так сложилось...» МОНГОЛИЯ_Гандад_Б_Энх_Амгалан_да_лама_Мурэн_лама]. Констатируется отсутствие взаимодействия с другими конфессиями в населенных пунктах (упоминается протестантская церковь). С шаманизмом в соседних сомонах взаимодействие также отрицается. Однако сохраняется региональная специфика: в западных аймаках (например, Баян-Улгий) буддизм практически отсутствует, уступая исламу.

Ислам в Монголии характеризуется экспертами через этноконфессиональную замкнутость в условиях доминирующей культуры. Исламская община Монголии географически сконцентрирована в Баян-Улгийском аймаке и носит выраженный этнический характер, будучи практически полностью состоящей из казахов. По словам имама, «...во Баян-Улгий все мусульмане живут здесь. Основное казахи... Сто процентов, восемьдесят процентов здесь казахи...» [МОНГОЛИЯ_Имам_в_Мечети_Баян_Улгий]. Высокая плотность мечетей (21 в городе) объясняется именно этнической однородностью населения. Посещаемость мечетей крайне низка и ритуализирована: 20–30 человек приходят только на пятничную молитву, в остальные дни активность минимальна. Это указывает на формальный, а не глубоко интегрированный в повседневность характер религиозной практики для большинства членов общины. Образование имамы получают за рубежом (Казахстан), что укрепляет внешнюю ориентацию общины. Экспертами подчеркивается, что коммуникация с представителями доминирующей буддийской культуры фактически отсутствует: «...Монголы — нет, не идут в мечеть...» [МОНГОЛИЯ_Имам_в_Мечети_Баян_Улгий]. Религиозная жизнь строго ограничена этническими рамками, а мечеть не выполняет функций центра межкультурного взаимодействия или социального проекта для всего населения аймака. Община существует в режиме культурно-религиозной автаркии.

Православие в религиозном ландшафте Монголии представлено русской диаспорой. Православный приход в Улан-Баторе — продукт целенаправленной внешней поддержки. Храм был построен в 2009 г. на средства, полученные от российских властей: «...когда Путин... приезжал... попросил денег... он помог» [МОНГОЛИЯ_Прав_храм_в_Улан_Баторе], и остается в юрисдикции Московского патриархата. Его существование символически и материально зависит от связи с Россией. Ядро прихода составляют члены русскоязычной диаспоры (учителя,

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией в РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022.

постоянно проживающие) и небольшая группа сербов: «...Из России приехали... местные русские... Крещеных-то много, но в храм мало кто ходит. Эти же учителя, допустим, из России, только по праздникам, допустим, приходят в храм...»; «...Сербы к нам приходят на службу... кто постоянно проживает... Монголы ходят... человек 10, наверное. Некоторые уже крестились...» [МОНГОЛИЯ_Прав_храм_в_Улан_Баторе]. Наблюдается проблема низкой воцерковленности даже среди крещеного населения. Храм выполняет роль культурно-религиозного центра диаспоры, при нем действует воскресная школа. Богослужение ведется на русском с переводом, что подчеркивает его этническую специфику. Для обеспечения финансовой устойчивости используются коммерческие практики (сдача спортзала). Взаимодействие прихода направлено преимущественно вовне, на метрополию и другие православные общины (священники из Иркутска, паломники из Тувы, контакты с Кореей): «...Ну, батюшки разные приезжают... батюшка с Иркутска приезжал... Диакон из Кореи приезжал в прошлом году. Православные паломники приезжали с Тувы...». Локальное межконфессиональное взаимодействие в Улан-Баторе минимально и эпизодично, ограничивается формальными приглашениями на городские мероприятия. Таким образом, православная община функционирует как институционально и социально обособленный «коллектив», чья интеграция в местный религиозный ландшафт остается поверхностной.

Обсуждение и заключение

Религиозность населения Монголии является актуальной темой для изучения в современном научном сообществе. Эксперты оценивают религиозность населения Монголии как достаточно высокую. Уровень религиозности населения, по их мнению, примерно одинаков в разных аймаках и сомонах. Наиболее религиозными группами населения эксперты считают пожилых людей, сельских жителей, людей среднего возраста и женщин, а каждый шестой эксперт полагает, что религиозность не связана с какими-либо социально-демографическими характеристиками. Хотя доля экспертов, считающих молодежь высокорелигиозной социальной группой, в общей массе невелика, среди экспертов аймака Баян-Улгий такое мнение распространено сильнее, в сравнении с экспертами из других охваченных исследованием аймаков. Среди предложенных экспертам для оценки выраженности у населения Монголии некоторых компонентов религиозности наиболее сильно выделяются набожность, верность религиозным убеждениям и участие в религиозных обрядах. А вот знание вероучений, обрядов, религиозных правил среди современного населения Монголии выражено скорее слабо.

В целом отношения между людьми различных вероисповеданий оцениваются экспертами как положительные, наличие межрелигиозных или межконфессиональных конфликтов за последние годы специалисты отрицают. Самый главный фактор формирования религиозности населения Монголии, по мнению экспертов, — это религиозная принадлежность родителей и родственников, наличие религиозного воспитания в семье, немаловажную роль в этом процессе играют так-

же модернизация социальной жизни, миссионерская деятельность религиозных организаций и место жительства или рождения самого человека.

Институциональное развитие религиозной сферы в Монголии, согласно экспертным оценкам, характеризуется следующими особенностями: наиболее позитивно оцениваются правовые аспекты функционирования религиозных организаций, включая гарантии свободы совести и вероисповедания, а также сохранение сильных позиций традиционных конфессий. Факторная модель позволяет заключить, что институциональные условия религиозности в Монголии, с точки зрения экспертов, представляют собой систему из трех взаимосвязанных уровней: макроуровень государственно-правового регулирования и взаимодействия; мезоуровень инфраструктуры и социальной активности общин; микросоциальный уровень личных свобод и межгруппового согласия.

Вместе с тем экспертная оценка, основанная на интервью, описывает картину глубоко сегментированного религиозного поля Монголии. Буддизм, сохранив статус доминирующей и исторически укорененной традиции, активно адаптируется к современности. Ислам и православие существуют в формате этнически и культурно замкнутых анклавов с минимальным взаимодействием между собой и с буддийским большинством. Ключевыми линиями дифференциации выступают: отношение к традиции и модернизации, степень интеграции в социальное сообщество страны, ориентация на внешние (транснациональные) или внутренние ресурсы, глубина межконфессиональных границ. Эта сегментация свидетельствует о том, что религиозная идентичность в современной Монголии остается мощным маркером этнокультурных и социальных границ, а не основой для формирования общеноциональной гражданской или межрелигиозной солидарности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что, согласно оценкам экспертов, религиозность населения Монголии характеризуется как достаточно высокая. Наиболее религиозными группами признаются пожилые люди, сельские жители и женщины. В структуре религиозности преобладают практические компоненты (набожность, участие в обрядах) над когнитивными (знание вероучений). Межконфессиональная ситуация оценивается как стабильная и бесконфликтная. Ключевыми факторами формирования религиозности эксперты называют семейное воспитание и религиозную традицию, а также модернизационные процессы и миссионерскую деятельность. Институциональная структура религиозной сферы, согласно факторной модели, основывается на трех взаимосвязанных элементах: эффективном правовом регулировании, развитой инфраструктуре и устойчивом межконфессиональном согласии, что в совокупности формирует баланс между традиционной религиозностью и современными вызовами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце XX — начале XXI в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 30, № 1 С. 137–150. DOI 10.14258/nreur(2025)1-08.

Бадмацыренов Т.Б. Сангха и политика: политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № 14. С. 26–34.

Ванчикова Ц.П., Цэдэндамба С. Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. 1 // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3. С. 67–72.

Гантуяа М. Некоторые методологические подходы исследования религиозности граждан приграничных с Россией территорий Монголии // Ермолаевские чтения : материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики, Кызыл, 26–27 августа 2021 года. Кызыл: Издательский отдел Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Тыва, 2021. С. 101–108. <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-101-108>

Михалев А.В., Русский мир на окраине Азии: политика в условиях институциональной асимметрии // Политика и общество. 2018. № 10. С. 53–63. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.10.27617

Цыбикдоржиев Д.В., Батоева Д.Б. Факторы успеха религиозного возрождения в Монголии // Власть. 2014. № 5. С. 40–44.

Allport G.W., Ross J.M. Personal Religious Orientation and Prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. No 5 (4). P. 447–457. doi:10.1037/h0021212.

Cornwall M., Albrecht S. L., Cunningham P. H., Pitcher B. L. The Dimensions of Religiosity: A Conceptual Model with an Empirical Test // Review of Religious Research. 1986. Vol. 27, no. 3. P. 226–244. doi:10.2307/3511418.

French D. C., Purwono U., Shen M. Religiosity and Positive Religious Coping as Predictors of Indonesian Muslim Adolescents' Externalizing Behavior and Loneliness // Psychology of Religion and Spirituality. Advance online publication. 2020. doi:10.1037/rel0000300.

Glock C. Y., Stark R. (1965). Religion and Society in Tension. San Francisco: Rand McNally, 1965. 316 p.

Hill P. C. Measurement in the psychology of religion and spirituality: Current status and evaluation // Paloutzian R. F., Park C. L. Handbook of the psychology of religion and spirituality. Guilford Press, 2005. P. 43–61.

Holdcroft B. B. What Is Religiosity? // Journal of Catholic Education. 2006. Vol. 10, no. 1. P. 89–103. doi:10.15365/joce.1001082013.

Mattis, J. S., Jagers, R. J. (2001). A Relational Framework for the Study of Religiosity and Spirituality in the Lives of African Americans // Journal of Community Psychology. Vo. 29, no. 5. P. 519–539. doi:10.1002/jcop.1034.

McAndrew S., Voas D. Measuring religiosity using surveys // SQB Topic Overview. 2011. No. 4. P. 1–15.

Saroglou V. Believing, bonding, behaving, and belonging: The big four religious dimensions and cultural variation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Vol. 42, no. 8. P. 1320–1340. <https://doi.org/10.1177%2F002202211412267>

Tsang J., McCullough M. E. Measuring religious constructs: A hierarchical approach to construct organization and scale selection // Snyder C. R. Handbook of positive psychological assessment. American Psychological Association, 2003. P. 345–360.

REFERENCES

- Aktamov, I. G., Badmatsyrenov, T. B., & Tsetsenbilig, Ts. (2024). Buddhism and post-secular society: Socio-religious processes in Mongolia at the end of the 20th — beginning of the 21st century. *Narody i religii Evrazii*, 30(1), 137–150 (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)1-08)
- Badmatsyrenov, T. B. (2012). Sangha and politics: Political aspects of the functioning of the Buddhist clergy in Mongolia and Buryatia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, 14, 26–34 (In Russ.).
- Vanchikova, Ts. P., & Tsedendamba, S. (2014). Religious situation in Mongolia: 1990–2009. Part 1. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Iстория, политология*, 3, 67–72 (In Russ.).
- Gantuyaa, M. (2021). Some methodological approaches to the study of religiosity of citizens in the territories of Mongolia bordering Russia. *Ermolaev readings: materials of the fifth anniversary scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Tuva People's Republic, Kyzyl, August 26–27, 2021* (pp. 101–108). Kyzyl: Izdatel'skij otdel Nacional'noj biblioteki im. A.S. Pushkina Respubliki Tyva (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-101-108>
- Mikhalev, A. V. (2018). The Russian world on the outskirts of Asia: Politics in conditions of institutional asymmetry. *Politika i obshchestvo*, 10, 53–63 (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2018.10.27617>
- Tsybikdorzhiev, D. V., & Batoeva, D. B. (2014). Factors of success of religious revival in Mongolia. *Vlast'*, 5, 40–44 (In Russ.).
- Allport, G. W., & Ross, J. M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5(4), 447–457. <https://doi.org/10.1037/h0021212>
- Cornwall, M., Albrecht, S. L., Cunningham, P. H., & Pitcher, B. L. (1986). The dimensions of religiosity: A conceptual model with an empirical test. *Review of Religious Research*, 27(3), 226–244. <https://doi.org/10.2307/3511418>
- French, D. C., Purwono, U., & Shen, M. (2020). Religiosity and positive religious coping as predictors of Indonesian Muslim adolescents' externalizing behavior and loneliness. *Psychology of Religion and Spirituality*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/rel0000300>
- Glock, C. Y., & Stark, R. (1965). *Religion and society in tension*. San Francisco: Rand McNally.
- Hill, P. C. (2005). Measurement in the psychology of religion and spirituality: Current status and evaluation. In: R. F. Paloutzian & C. L. Park (Eds.). *Handbook of the psychology of religion and spirituality* (pp. 43–61). Guilford Press.
- Holdcroft, B. B. (2006). What is religiosity? *Journal of Catholic Education*, 10(1), 89–103. <https://doi.org/10.15365/joce.1001082013>

Mattis, J. S., & Jagers, R. J. (2001). A relational framework for the study of religiosity and spirituality in the lives of African Americans. *Journal of Community Psychology*, 29(5), 519–539. <https://doi.org/10.1002/jcop.1034>

McAndrew, S., & Voas, D. (2011). Measuring religiosity using surveys. *SQB Topic Overview*, 4, 1–15.

Saroglou, V. (2011). Believing, bonding, behaving, and belonging: The big four religious dimensions and cultural variation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42(8), 1320–1340. <https://doi.org/10.1177/0022022111412267>

Tsang, J., & McCullough, M. E. (2003). Measuring religious constructs: A hierarchical approach to construct organization and scale selection. In C. R. Snyder (Ed.). *Handbook of positive psychological assessment* (pp. 345–360). American Psychological Association.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ольга Валерьевна Суртаяева — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, научный сотрудник РОСБИОТЕХ, г. Барнаул, г. Москва, Россия.

Olga V. Surtaeva — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Research Scientist, ROSBIOTECH, Barnaul, Moscow, Russia.

Екатерина Владимировна Шахова — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, научный сотрудник РОСБИОТЕХ, г. Барнаул, г. Москва, Россия.

Ekaterina V. Shakhova — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Research Scientist, ROSBIOTECH, Barnaul, Moscow, Russia.

Дарья Константиновна Щеглова — старший преподаватель кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, научный сотрудник РОСБИОТЕХ, г. Барнаул, г. Москва, Россия.

Daria K. Shcheglova — Senior Lecturer at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Research Scientist, ROSBIOTECH, Barnaul, Moscow, Russia.

Виктория Максимовна Максимова — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.

Victoria M. Maximova — National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Егор Александрович Сорокин — геологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Egor A. Sorokin — Faculty of Geology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Цэденбал Пүрэвсүрэн — д-р филос. наук, профессор, ректор Западного регионального филиала Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия.

Tsedenbal Purevsuren — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Rector, Western Regional School of National University of Mongolia.

Статья поступила в редакцию 08.10.2025;
одобрена после рецензирования 15.11.2025;

принята к публикации 15.11.2025.

The article was submitted 08.10.2025;

approved after reviewing 15.11.2025;

accepted for publication 15.11.2025.